

УДК 82(091)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-158-163

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА ОТЦА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США 1990-Х ГГ.

© Ольга Несмелова, Жанна Коновалова

MYTHOLOGIZATION OF THE FATHER'S IMAGE IN AMERICAN LITERARY NONFICTION OF THE 1990s

Olga Nesmelova, Zhanna Konovalova

At the turn of the 20th-21st centuries, the literary process of the USA demonstrates a steady move towards an organic fusion of fiction and nonfiction, on the one hand, and mythologization / demythologization of national history and images, on the other. This paper addresses mythologization of the image of the father in nonfiction novels "Unto the Sons" (1992) by G. Talese and "Patrimony: A True Story" (1991) by Ph. Roth. In their literary nonfiction, both G. Talese and Ph. Roth often turn to the problems of the search for national identity, which is connected with their origin. In the book "Unto the Sons", G. Talese dwells upon the history of his family, focusing on the image of his father whom he presents as the embodiment of the national type of a self-made man. "Patrimony: A True Story" by Ph. Roth focuses on the serious illness and death of the writer's father, which makes him plunge into philosophical reflections on life and death, national history and identity. Based on the material of these works, the article considers the synthesis of fiction and nonfiction in G. Talese's and Ph. Roth's creative work, in particular, in terms of transformation of a real person into a mythological figure.

Keywords: literary nonfiction, nonfiction novel, mythologization, image of the father, self-made man, national history, identity

Литературный процесс США рубежа XX–XXI вв. демонстрирует устойчивую тенденцию к органичному слиянию художественного и документального начал, с одной стороны, и мифологизации/деификации национальной истории и образов – с другой. Данная статья посвящена проблеме мифологизации образа отца в художественно-документальных книгах Г. Тейлиза «К сыновьям» («Unto the Sons», 1992) и Ф. Рота «По наследству» («Patrimony: A True Story», 1991). И Г. Тейлиз, и Ф. Рот в своем художественно-документальном творчестве часто обращаются к проблемам поиска национальной идентичности, что связано в том числе и с их происхождением. В книге «К сыновьям» Г. Тейлиз погружается в историю собственной семьи, акцентируя внимание на образе собственного отца, которого представляет как воплощение национального типа self-made man. В центре книги «По наследству» Ф. Рота оказывается тяжелая болезнь и смерть отца, которые наводят писателя на философские размышления о жизни и смерти, национальной истории и идентичности. На материале данных произведений авторами доклада рассматриваются особенности синтеза художественного и документального в творчестве Г. Тейлиза и Ф. Рота, в частности прослеживается процесс мифологизации реальной личности.

Ключевые слова: художественно-документальная литература, документальный роман, мифологизация, образ отца, «человек, который сделал себя сам», национальная история, идентичность

Для цитирования: Несмелова О., Коновалова Ж. Мифологизация образа отца в художественно-документальной литературе США 1990-х гг. // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 158–163. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-158-163

Тема «отцов и детей» является магистральной темой любой национальной литературы, однако в американской литературе она получила особое звучание. По справедливому замечанию Дж. Армэнгола-Карреры, «ответом на вопрос, что делает американскую литературу американской,

является почти полное отсутствие темы отцовства в художественной литературе США или включение в художественную ткань произведений образа отца-тирана» [1, с. 211]. Рассматривая эволюцию американской литературы начиная с тетралогии о Кожаном Чулке Ф. Купера и рома-

на «Алая буква» Н. Готорна исследователь отмечает, что в большинстве американских романов герой либо вообще лишен семейных связей, либо концепция дружбы провозглашается более важной, нежели семейные узы. Также интересны размышления М. Киммела, который приходит к выводу, что американские герои почти всегда являются сиротами или воспитываются женщинами [2, с. 143].

По нашему мнению, причины данного феномена можно проследить в самой истории становления американской нации. Важную роль в формировании американского национального сознания сыграла концепция индивидуализма, которая занимает важное место в системе американских ценностей. Именно индивидуализм лег в основу национальной американской философии и способствовал осознанию американцами себя как уникальной нации. Еще одной важной концепцией в данном контексте является представление об американце как о «Новом Адаме», то есть человеке, который строит свое существование, руководствуясь принципами добродетельности и верой в себя и свою избранность. Этот образ входит в национальное сознание уже на этапе формирования документальной традиции литературы США через проповеди «отцов-пилигримов», дневники и автобиографии первых поселенцев. Свое художественное воплощение этот образ получает в творчестве трансценденталистов, постепенно приобретая черты национальной мифологии. Кроме того, значимым образом в американском национальном сознании становится образ *self-made man* («человека, который сделал себя сам»). Данная концепция складывается на основе представлений Б. Франклина о том, что любой человек может достичь успеха исключительно благодаря своему таланту и труду. Необходимо отметить, что все эти концепции (индивидуализм, «Новый Адам» и *self-made man*) предполагают абсолютную самостоятельность человека и во многом объясняют тему отказа от влияния отца или, шире, семьи, свойственную для американской литературы.

Вторая характерная тенденция в изображении образа отца как тирана в американской литературе также находит свое объяснение в особенностях исторического развития США. Так, Д. Паг предлагает рассматривать Американскую революцию, как «символическую битву между Отцом-доминионом Англией и его непослушными американскими сыновьями» [3, с. xvi]. Исследователь ссылается на фигуру Георга III как воплощение образа «несправедливого отца», против влияния которого боролись американские колонисты. Действительно, национальная рито-

рика на первом этапе формирования американской государственности строилась во многом на отрицании традиций, культуры, классовой системы и институтов Великобритании.

При этом отрицание «отцовского влияния» Великобритании приводит к появлению в национальном сознании собственной фигуры отца. В этом контексте мифологическое значение обретают образы отцов-пилигримов (*the Pilgrim Fathers*) и отцов-основателей (*the Founding Fathers*), которые завоевали независимость США, а также сформировали и «воспитали» молодую американскую нацию и именно в этом качестве вошли в национальное сознание.

Конец XX в. знаменует собой новый этап в развитии американской литературы и в эстетическом, и в тематическом плане. Литературный процесс США рубежа XX–XXI вв. демонстрирует устойчивую тенденцию к органичному слиянию художественного и документального начал. С одной стороны, в этот период продолжают свои эксперименты некоторые представители школы Нового журнализма 1960–1970-х гг. Так, Норман Мейлер в 1990-х гг. пишет сразу две крупных книги – «Пикассо. Портрет художника в юности: Версия биографии» (*Portrait of Picasso as a Young Man: An Interpretive Biography*, 1995) и «История Освальда. Американская загадка» (*Oswald's Tale: An American Mystery*, 1996), где предлагает собственную художественную интерпретацию образов Пабло Пикассо и Ли Харви Освальда, подозреваемого в убийстве Дж. Кеннеди. Т. Вулф в 1980–2000-х гг. создает сборники эссе и повестей «Пурпурные десятилетия» (*The Purple Decades*, 1982) и «Перепихнуться» (*Hooking Up*, 2000), где, соединяя публицистические эссе и отрывки из художественной прозы, подводит итог 1970-м и 2000-м гг. Хантер Томпсон издает сразу несколько сборников: «Поколение свиней» (*Generation of Swine: Tales of Shame and Degradation in the 80s*, 1989), «Песни Обреченного» (*Songs of the Doomed*, 1990), «Большая охота на акулу» (*The Great Shark Hunt: Strange Tales from a Strange Time*, 1991), «Лучше, чем секс» (*Better than Sex*, 1995), «Автострада гордости: Сага отчаянного южного джентльмена» (*The Proud Highway: Saga of a Desperate Southern Gentleman*, 1998), «Винтовой домкрат. Короткие истории» (*Screwjack. A Short Story*, 2000), в которых в присущей ему «гонзо»-манере анализирует политику США.

С другой стороны, художественная литература демонстрирует «поворот» к автобиографичности и фактографической достоверности. По справедливому замечанию Н. В. Киреевой, «ав-

тобиографический жанр становится полем широкого эксперимента как при создании художественного творчества (обретая черты „autofiction“), так и в своей „конвенциональной“ форме документально-художественного жанра, в котором специфический коммуникативный эффект (готовность доверять автору и отождествляться с ним) осуществляется благодаря отчетливой маркированности произведения как „non-fiction“» [4].

Свое переосмысление получает и фигура отца. В 1990-х гг. сразу два крупных американских писателя создают автобиографические книги: Ф. Рот в 1991 г. публикует книгу «По наследству» («Patrimony») [5] и почти сразу же, в 1992 г., выходит книга Г. Тейлиза «К сыновьям» («Unto the Sons») [6].

В центре внимания Ф. Рота в книге «По наследству» — последние годы и мучительная смерть его отца Германа Рота от опухоли головного мозга. Писатель дает собственное определение жанра книги, сопровождая ее подзаголовком «Правдивая история» («A True Story»). По нашему мнению, в данном случае Ф. Рот продолжает традицию, заложенную Т. Капоте и Н. Мейлером, которые часто создавали авторские определения художественно-документального жанра («nonfiction novel», «true life novel», «novel as a history, history as a novel», «interpretative biography»). Хотелось бы согласиться с О. Б. Карасик, которая определяет книгу «По наследству» как документальный роман, но написанный, в отличие от большинства документальных романов, не о событиях национального масштаба, а об истории собственной семьи писателя [7, с. 189]. Ф. Рот последовательно документирует основные события, связанные с развитием болезни отца, однако линейное повествование часто прерывается ретроспекцией. Через ретроспективу представлены события, связанные с недавним прошлым: эпизоды из семейной жизни отца, смерть матери писателя и ее похороны, попытки Германа Рота научиться жить без жены. Кроме того, Рот реконструирует события семейной истории, прослеживая ее от начала XX в., когда дед писателя приехал в США из Польши, спасаясь от антисемитизма. Такой прием позволяет Роту показать персональную жизнь отца в контексте глобальной истории. В книге реализуется принцип «повторяемости истории», повествование начинается с упоминания о том, как отец полвека назад проходил тот же путь, что и Филипп Рот. В 1942 г. отец писателя каждый день утром и вечером навещал в больнице Сендера Рота, деда писателя, обездвиженного после сердечного приступа. Отец писателя, как впоследст-

вии и сам Филипп Рот, становится свидетелем угасания, а потом и смерти своего отца.

Кроме этого, книгу Ф. Рота можно рассматривать и как вариант «беллетризованной биографии писателя», в которой он обращается к рефлексии на тему сути писательства и решает внутренний конфликт в восприятии себя как писателя и как сына Г. Рота, сделанного им литературным героем. Так, автор на последних страницах своей книги приводит два сна, приснившихся ему незадолго до смерти отца и через полтора месяца после его похорон. В первом сне повествователь видит себя ребенком, стоящим в толпе других детей и ждущим эвакуации в ньюаркском порту времен Второй мировой войны. Повествователь вместе с другими детьми наблюдает, как к ним медленно приближается американский корабль старого образца, списанный из флота за ненадобностью. Не найдя своего отца на борту корабля, Ф. Рот осознает, что его отец — сам корабль. В этом символическом образе подчеркивается жизненный путь его отца, который всю жизнь гордился не только своим происхождением, но и принадлежностью к американской нации, а в конце жизни оказался «списанным со счетов» истории. В данном эпизоде возникает еще один показательный образ: проснувшись, повествователь рефлексиирует на тему чувств, вызванных у него сном, и осознает, что подобные же пронзительные эмоции он испытывал в день похорон президента Рузвельта. Показательно, что повествователь определяет себя и других детей, находящихся на причале, как «безотцовщину», проводя параллель между собой и американской нацией, со смертью Рузвельта символически лишившейся отца.

Во втором сне отец является к повествователю в саване и обвиняет его в том, что его похоронили не в той одежде, в которой он хотел быть похороненным. Это заставляет Ф. Рота задуматься над чувством вины, которое он испытывает, публикуя автобиографию. Неодобрение отца автор переносит на историю создания книги, работу над которой он начал еще во время его болезни. В данном эпизоде Ф. Рот наполняет образ отца символическим значением «судьбы всех моих дел».

Ф. Рот не идеализирует образ Германа Рота, приводя свидетельства его необразованности и тяжелого характера. Автор воссоздает многочисленные эпизоды, когда отец проявляет предубеждение, черствость и не идет на диалог. Автор винит тиранию и упрямство отца в нервных срывах, которые происходили с его матерью в последние годы ее жизни: «*His obsessive stubbornness — his stubborn obsessiveness — had*

very nearly driven my mother to breakdown in her final years» [5, с. 36]. Одним из ключевых эпизодов становится сцена, когда отец Ф. Рота избавляется от всех вещей своей покойной жены через два часа после ее похорон.

Однако по мере разворачивания повествования становится ясно, что автор создает прежде всего историю своего «примирения» и сближения с отцом, а через него – обретения своей идентичности. Писатель наполняет фигуру отца символическими и мифологическими чертами. В книге постоянно подчеркивается контраст между физической немощностью отца (Рот не обходит вниманием различные, даже самые отталкивающие физиологические признаки, связанные с развитием опухоли) и негибкостью его духа:

«<...> starting with his immigrant parents' transatlantic crossing in steerage, extending to his grueling campaign to get ahead, the battle to make good against so many obstructive forces – as a poor boy robbed of serious schooling, as a Jewish working man in the Gentile insurance colossus—and ending with his transformation, by the brain tumor, into an enfeebled wreck» [Там же, с. 27].

В образе отца постоянно подчеркивается мотив «борьбы», которую он ведет всю жизнь, сначала для того, чтобы обеспечить своей семье достойное существование, а затем с болезнью. Мотив борьбы за жизнь, в том числе связанный с еврейским происхождением отца и его существованием в Америке как иммигранта, становится центральным по отношению к характеристике персонажа. Этот мотив находит свое отражение и в названиях глав («Они шли на бой и потому, что такая их профессия, и потому, что они евреи»), и в диалогах, которые приводит Ф. Рот. Одной из центральных сцен книги является разговор отца с врачом в больничной палате по поводу его дальнейших перспектив. Отец рассказывает врачу о своем происхождении, отсутствии образования и каждодневной борьбе, которую он вел всю жизнь, и подчеркивает, что он никогда не сдавался. В образе отца Ф. Рот находит мифологические черты *self-made man*.

Кроме того, по мнению автора, его отец является одним из поколения «выживших»: «*all that he had weathered and survived without bitterness or brokenness or despair*» [Там же, с. 115]. Мотив выживания становится основным в конструировании образа Германа Рота: «*survivorship, survivorhood, survivalism*» [Там же, с. 125]. В книге Ф. Рота часто возникают аллюзии на Холокост, жертвой наряду со многими которого является и отец писателя. Показательно что последними словами книги являются: «*You must not forget anything*» [Там же, с. 176], выражение, ко-

торое, по словам исследователей, часто применяется по отношению к нацистскому геноциду.

Своей кульминации мотив борьбы за выживание достигает в сцене, описывающей последние часы жизни Германа Рота. Его агония длится двенадцать часов, во время которых он демонстрирует «упорство и непреклонность», свойственные ему всю жизнь. Последнюю ремарку писателя можно воспринять как осознание той роли, которую играл отец в его жизни, и принятие стойкости отца как ролевой модели для собственного дальнейшего существования.

Подобный же путь осознания собственной идентичности через анализ семейной истории, особенно взаимоотношений с отцом, выстраивает в своей автобиографической книге «К сыновьям» («*Unto the Sons*») Г. Тейлиз. В жанровом отношении это произведение представляется более сложным, чем книга Ф. Рота. Г. Тейлиз, в отличие от Ф. Рота, воспринимается как журналист и автор прежде всего документальных и художественно-документальных книг. Он известен своим глубоким «погружением» в материал и следованием принципу «включенного репортажа». Так, во время работы над своей книгой «*Honor Thy Father*», посвященной клану итальянской мафии, Тейлиз фактически жил с представителями данного клана. Работа над книгой «К сыновьям» длилась около десяти лет, несколько из которых Тейлиз провел, путешествуя по Европе и интервьюируя членов своей семьи и знакомых, а также изучая многочисленные документальные источники, связанные с историей Италии за последние пятьсот лет. Однако в послесловии к своей книге автор отмечает, что его попытки сохранить абсолютную фактографичность книги не удалась. Первые 9 глав в книге написаны в соответствии с канонами традиционной автобиографии, повествование ведется от первого лица, автор пишет о себе в подростковом возрасте. В этой части, которую можно рассматривать как пролог к основному повествованию, автор делает акцент на конфликте «отцов и детей»: рожденный в Америке и страстно желающий почувствовать себя настоящим американцем, повествователь в годы Второй мировой войны чувствует себя отчужденным от отца из-за его происхождения, преданности национальным традициям, языка:

«*There were many times when I wished that I had been born into a different family, a plain and simple family of impeccable American credentials - a no-secrets, nonwhispering, no-enemy-soldiers family that never received mail from POW camps, or prayed to a painting of an ugly monk, or ate Italian bread with pungent cheese*» [6, с. 47].

Однако уже в 10 главе повествовательная модель резко меняется. При отсутствии нарушения временной хронологии, Я-повествователь неожиданно исчезает, и на страницах появляется герой Гей Тейлиз. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что писатель видит свою основную задачу не только и не столько в саморефлексии, сколько в представлении коллективного опыта семей итальянских иммигрантов в Америке в один из самых сложных периодов – в 1940–1944 гг. В книге «К сыновьям» так же, как и Ф. Рот, Г. Тейлиз прослеживает персональную историю отца на фоне национальной истории и глобальной мировой истории. По Тейлизу, история Джозефа Тейлиза, портного, эмигрировавшего из Италии в США в 1920 г., является иллюстрацией влияния глобальных мировых катаклизмов на личность каждого отдельно взятого человека. Однако, в отличие от Ф. Рота, который в центр внимания ставит процесс сближения с отцом, Г. Тейлиз акцентирует внимание на неразрешенном (на страницах книги) конфликте между Геем и Джозефом. Последней сценой романа является ссора между героями. Джозеф, узнав о трагической ошибке союзных войск, разрушивших фактически до основания Аббатство Монтекассино (провинция Лацио), в котором в тот момент находились не немецкие войска, а мирные жители, в порыве ярости и отчаяния уничтожает модели американских самолетов, принадлежащих сыну. 12-летний Тейлиз в истерике, выбегает из дома, надев роликовые коньки, и, не справившись со скоростью, врезается в стеклянную витрину магазина, получив страшные порезы и травмы. Герой не прощает своего отца, даже несмотря на заботу и раскаяние, которые тот демонстрирует после происшествия. Примирение и сближение автора с отцом (произошедшее в действительности) остается за рамками текста, что, по нашему мнению, свидетельствует об определенной доле драматизации повествования и попытке вынесения личной истории в более широкий социальный и исторический контекст.

Отец писателя в книге представлен как носитель традиционных итальянских национальных ценностей, ему присущи религиозность, трудолюбие, строгость и даже суровость. Автор особо подчеркивает стремление отца сохранить свою национальную идентичность в Америке, которая стала ему домом в 1920-х гг.:

«Among the waiting parishioners were my mother and father, sitting close to each other in the third row, two well-tailored Italians in a humble Irish Catholic parish on a Protestant Island, a minority within a minority» [Там же, с. 38].

В образе отца Тейлиза так же, как и в образе Германа Рота, подчеркиваются черты тирана: все в доме подчинено заведенному им порядку, сыну отказано в возможности вести жизнь обычного американского подростка. На страницах книги автор неоднократно заявляет, что отец делает из него «манекена», который создан для того, чтобы рекламировать его мастерство как портного. При этом Г. Тейлиз, так же как и Ф. Рот, наделяет образ отца мифологическими чертами *self-made man*. Центральным мотивом в изображении образа отца является мотив успеха. По мнению писателя, именно благодаря своему упорному труду и таланту отец добивается успеха в чуждом ему американском мире.

Таким образом, и Г. Тейлиз, и Ф. Рот в своих художественно-документальных книгах создают неоднозначный образ отца. В книге «К сыновьям» Г. Тейлиз погружается в историю собственной семьи, акцентируя внимание на образе отца, которого представляет как носителя неразрешенного внутреннего конфликта. Ф. Рот также воссоздает историю своей семьи, характеризуя ее как обычную семью еврейских иммигрантов. Однако, если центре книги Ф. Рота – самоопределение писателя через сближение с отцом, то Г. Тейлиз драматизирует и фикционализует отношения с отцом с целью поставить вопрос об опыте многих семей иммигрантов в США. Героев объединяет их происхождение: и Герман Рот, и Джозеф Тейлиз являются иммигрантами, обосновавшимися в Америке в начале XX в. Оба являются носителями и «хранителями» своей национальной и этнической идентичности. Оба героя представлены как тираны, с которыми ведут символическую борьбу их сыновья. При этом и Герман Рот, и Джозеф Тейлиз выступают как воплощение мифологемы *self-made man*.

Список источников

1. *Armengol-Carrera J. M.* Where Are Fathers in American Literature? Re-visiting Fatherhood in U.S. Literary History // *The Journal of Men's Studies*. 2008. P. 211–226.
2. *Kimmel M. S.* Manhood in America: A cultural history. New York: The Free Press, 1997. 544 p.
3. *Pugh D. G.* Sons of Liberty: The Masculine Mind in Nineteenth-Century America. Westport, CT: The Greenwood Press, 1983. 186 p.
4. *Киреева Н. В.* Трансформация жанра автобиографии американскими писателями-постмодернистами, 2011. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/kireeva-transformaciya-zhanra-avtobiografii.htm> (дата обращения: 24.05.2024).
5. *Roth Ph.* Patrimony: A True Story. NY: Vintage, 1991. 176 p.

6. Talese G. *Unto the Sons*. Random House, 2006. 577 p.

7. Карасик О. Б. Семейная история, превращенная в роман: «По наследству» Ф. Рота // Филология и культура. Philology And Culture. 2012. № 4 (30). С. 189–193.

References

1. Armengol-Carrera, J. M. (2008). *Where Are Fathers in American Literature? Re-visiting Fatherhood in U.S. Literary History*. The Journal of Men's Studies, pp. 211–226. (In English)

2. Kimmel, M. S. (1997). *Manhood in America: A Cultural History*. 544 p. New York, The Free Press. (In English)

3. Pugh, D. G. (1983). *Sons of Liberty: The Masculine Mind in Nineteenth-Century America*. 186 p. Westport, CT, The Greenwood Press. (In English)

4. Kireeva, N. V. (2011). *Transformatsiya zhanra avtobiografii amerikanskimi pisatelyami-postmodernistami* [Transformation of Autobiographical Genre by American Postmodernist Writers]. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/kireeva-transformaciya-zhanra-avtobiografii.htm> (accessed: 24.05.2024). (In Russian)

5. Roth, Ph. (1991). *Patrimony: A True Story*. 176 p. NY, Vintage. (In English)

6. Talese, G. (2006). *Unto the Sons*. 577 p. Random House. (In English)

7. Karasik, O. B. (2012). *Semeinaya istoriya, prevrashchennaya v roman: "Po nasledstvu" F. Rota* [Family Story Turned into a Novel: Ph. Roth's "Patrimony"]. Philology and Culture. No. (30), pp. 189–193. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Несмелова Ольга Олеговна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
olga.nesmelova@inbox.ru

Коновалова Жанна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhanna.konovalova@gmail.com

Nesmelova Olga Olegovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
olga.nesmelova@inbox.ru

Konovalova Zhanna Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhanna.konovalova@gmail.com